

Су Юй тоже размышлял. Предложение Инь Чжэнсюэ было верным: с точки зрения безопасности этот номер пока использовать нельзя.

Однако, подняв взгляд, он увидел мрачное выражение на лице Шэ Лэя. Су Юй на мгновение заколебался.

— Сегодня сначала добавим движения руками, а вечером обсудим всё остальное.

— Ладно, — кивнул Инь Чжэнсюэ.

Утро пролетело незаметно. Новый номер с добавленными движениями рук стал более цельным и выдающимся. Даже Инь Чжэнсюэ засомневался, на миг потерявшись в догадках.

В этот момент в зал вошёл У И. Сбегая вниз по лестнице, он ловко поприветствовал всех, а затем его большие глаза остановились на лице Су Юя, сияя светом.

— Су Юй, как новый номер? Можно посмотреть?

— Что смотреть? Зачем ты снова прибежал? — Инь Чжэнсюэ сверкнул на него глазами.

— Разведать обстановку! — хитро улыбнулся У И.

— Хватит шляться. Скоро соревнования, никакой ответственности? Знаешь только играть?

— Кто играет? Я только тренировку закончил, — надул губы У И. Волосы на лбу у него липли от пота — видно было, что совсем недавно он проводил интенсивную тренировку. Юноша лукаво прищурился, встретившись с любопытным взглядом Шэ Лэя, и улыбнулся:

— Учитель Шэ, номер, который вы мне поставите, не должен быть хуже, чем у Су Юя. Нам нужна справедливость, без очереди. Может, вечером я вас угощу ужином, чтобы наладить отношения?

Шэ Лэй, который обычно выглядел робко перед Су Юем, улыбнулся:

— Вечером я занят.

— А вечером можно найти вас в сети?

— Можно.

— Отлично! Тогда на вас надеюсь!

Сказав это, У И опять радостно рассмеялся и, опираясь на ограждение, стал наблюдать, как Су Юй меняет коньки. Взгляд его был сосредоточенным.

Закончив менять обувь, Су Юй выпрямился и повернулся, увидев перед собой изящное лицо У И. В уголках глаз стояла едва заметная влага, губы были плотно сжаты. Казалось, он улыбался, но за этой улыбкой скрывалось множество подавленных эмоций.

— Что случилось? — спросил Су Юй.

Вопрос был задан невзначай, но У И, казалось, ждал его долгое время. Губы его дёрнулись, и он выглядел вдруг глубоко обиженным.

Инь Чжэнсюэ наконец заметил, что у У И плохое настроение.

— Что? Собираешься плакать?

У И покачал головой, упрямо сжав губы, не желая объяснять.

Только небеса знали, как ему сейчас было плохо. Обида переполняла его так, что хотелось броситься на пол и громко рыдать, но плакать нельзя — это слишком стыдно, если увидят другие.

Решение У И попросить Шэ Лэя поставить номер вызвало большое недовольство у тренера Суня.

Логично, что хореографа должен выбирать тренер, и стиль постановки должен соответствовать его мнению. Но из-за внезапного появления Су Юя, хотя другие тренеры пока особо не реагировали, в команде Сунь Хэаня начался хаос. Юниоры перешли во взрослую категорию, юноши — в юниорскую. Его планы были разрушены вдребезги, и он был так раздосадован, что готов был подойти к Су Юю и ткнуть пальцем, сказав: «Возмутитель спокойствия!»

Когда У И пришёл к Сунь Хэаню, тот как раз угождал Шань Туна.

Характер у Шань Туна всегда был тяжёлым, но Чжан Лян дал «боевой приказ»: с постановкой Шань Туна они точно получают высокие баллы.

Поскольку Су Цзыдун больше не участвовал в малых внутренних соревнованиях, Сунь Хэань возлагал большие надежды на Чжан Ляна, поэтому ему пришлось проглотить гордость и умолять Шань Туна.

У И сказал, что нашёл хореографа.

Сунь Хэань сказал, что он бесится.

У И сказал, что хореограф хороший и, главное, бесплатный.

Сунь Хэань ответил, что денег дело не касается, хореографа найдёт он.

У И сказал, что уже договорился.

Сунь Хэань спросил:

— Кто?

— Шэ Лэй.

— Кто такой Шэ Лэй?

— Новый хореограф, которого нанял Су Юй после ссоры с учителем Шань Туном. Видишь, Су Юй доверяет Шэ Лэю, Инь Чжэнсюэ тоже согласился. Значит, Шэ Лэй точно хорош.

Тут Шань Тун ядовито усмехнулся.

Точные слова У И уже не помнил, но главное было в том, что тренер Сунь начал читать нотации: ты неправ, ты не можешь так делать, тебе запрещено самовольно принимать решения, во всём должен слушаться меня, сиди тихо и жди моих указаний, знаете ли, почему

вы все такие беспокойные, просто достали!

Такое отношение задело У И.

У И с трудом сдержался, чтобы не крикнуть: «Если вы хотите отвечать, так отвечайте! Нас всего шесть человек: Су Цзыдун — старший, Чжан Лян — второй, потом Юй Ецзя. Если считать по старшинству, разве я не имею права добыть для себя немного ресурсов? Зачем смотреть на меня как на неблагодарного ученика? Если бы вы уделяли нам хотя бы треть того внимания, что отдаете Су Цзыдуну, разве ресурсы были бы распределены так несправедливо?»

У И был молод и потому нетерпелив.

У тренера Суня были свои соображения, отчего он и был многословен.

После этого столкновения тренер Сунь лишь отмахнулся: «Делай что хочешь», — и предоставил его самому себе.

У И никогда не привык жаловаться посторонним на свои обиды. С детства живя в интернате вдаль от родителей, он был намного самостоятельнее сверстников, выросших под родительским крылом. Иногда его решения казались наивными, но он всегда серьёзно их обдумывал. Теперь же его идеалы были полностью отвергнуты уважаемым тренером. Если бы не его природное упрямство, он бы, наверное, уже давно прятался в углу, проливая слёзы.

Но эта стойкость почему-то начала сдавать при виде Су Юя.

Жаль только, Су Юй не собирался ничего спрашивать.

По дороге домой У И всё ждал, что Су Юй его спросит, но тот даже не смотрел на него, словно взгляд был для него милостыней, и уж тем более не поинтересовался, что произошло сегодня.

У И сидел рядом с Су Юем, рука на рюкзаке была сжата в кулак. Когда обида переполняла, он сжимал его так сильно, что твёрдые ногти впивались в мягкую плоть, и пронзительная боль легко прогоняла горечь в душе.

Он понимал, что такой настрой неверен, надеяться на утешение других — это проявление слабости.

Он мужчина, он должен быть сильным.

Когда автобус въехал в ворота жилого комплекса и двери открылись, У И схватил рюкзак и пулей вылетел из салона, не оглядываясь.

Когда Су Юй вышел, он смог лишь увидеть издали маленькую фигурку У И.

Инь Чжэнсюэ, стоя рядом, спросил:

— Что с У И?

Су Юй не ответил, хотя, возможно, и знал ответ.

...

— Хорошо, на этом закончим. Теперь я распределю работу на следующую неделю.

В старом, но просторном конференц-зале раздавался женский голос. Сквозь открытые окна влетал прохладный воздух поздней осени. День выдался светлым, солнце стояло в зените, сквозь листву деревьев пробивались тени, а в воздухе раздавался звонкий щебет птиц. К счастью, назойливого стрекотания цикад летней поры больше не было, и в комнате, наполненной ароматом жасминового чая, царил покой.

Время года было отличным.

В начале зала сидела женщина примерно пятидесяти лет.

Перед ней, за длинным столом, располагалось с десяток мужчин и женщин, перед каждым из которых стояла чашка из голубого фарфора с чайным цветком. От горячего напитка поднимался пар, белые лепестки жасмина плавали на поверхности, распускаясь и источая густой аромат.

Ли Хун была одета с достоинством и важностью. Её возраст — «познание небесной воли» — придавал ей вес, седые пряди у висков добавляли лет, но и её изначально мягкие черты лица теперь приобрели строгий, решительный вид.

Главный редактор спортивной рубрики газеты «Хуаго Дабао» — Ли Хун.

Она заняла этот пост за двадцать лет. Обладая широкими связями и безупречной репутацией, она была известна каждому в спортивном мире. Редактор Ли, пишущая только о спортивных новостях, редактор Ли, освещающая только новости чемпионов мира!

— Так... — Ли Хун опустила глаза в свой планер, затем окинула взглядом зал и остановилась на полной женщине. — Чжу Тун.

— А! Я! — Чжу Тун вздрогнула и резко выпрямилась. Чёрные глаза заморгали, она нервно смотрела на своего шефа, а в уголке рта у неё виднелся подозрительный кусочек еды.

Взгляд Ли Хун встретился с глазами Чжу Тун, и за очками на мгновение сверкнул холодный свет — досада на нерадивость подчинённой.

Чжу Тун была выпускницей профильного университета, но после замужества её вес начал выходить из-под контроля. Бывшая милая и обаятельная девушка ушла в прошлое, и пять лет назад её перевели с первой линии на вторую. Официально — чтобы она могла посвятить себя воспитанию ребёнка, но на самом деле — из-за испорченной фигуры перевели в тень. Чжу Тун смирилась с этим и спокойно устроилась спортивным журналистом в отделе спорта газеты «Дабао», курируя зимние виды, с упором на фигурное катание.

<http://bllate.org/book/16910/1557574>